

Н. Н. МОСТОВСКАЯ

П. В. Анненков — корреспондент И. С. Тургенева

Если П. В. Анненков известен в истории культуры как редкой достоверности мемуарист, первый исследователь Пушкина и его биограф, литературный критик, то Анненков — корреспондент Тургенева до сих пор в забвении.

Между тем среди многочисленных именитых современников России и Запада, близких его знакомцев, Тургенев занимает особое место.

Творческая дружба, соединявшая Тургенева и Анненкова на протяжении более 40 лет, основывалась на духовном родстве, общности культуры и воспитания, близости эстетических вкусов и литературных интересов. И проявилась она не только в интересных статьях Анненкова об авторе «Дворянского гнезда», «Дыма», не только в дружеских встречах. Но прежде всего в эпистолярном наследии критика, обширном по объему, многообразном по стилю и тональности. Не случайно Тургенев называл перо своего друга «энциклопедически-панорамическим». Анненков же свои письма к Тургеневу именовал «беседами».

Эпistolы, адресованные Тургеневу, — это увлекательные беседы о русской и европейской литературе, о писателях-современниках, о театре и журналистике, о событиях духовной и общественной жизни России и Запада. И все это окрашено неповторимой личностью автора.

Между тем письма Анненкова к Тургеневу до сих пор не собраны, многие из них не изданы (хранятся в Рукописном отделе Пушкинского Дома) и не исследованы. (Старые разрозненные публикации не в счет, они давно стали библиографической редкостью.)

По той роли, которую письма Анненкова сыграли в общественно-литературной жизни России и Европы прошлого века, они могут быть сравнимы с перепиской Пушкина и Жуковского, созданной в эпоху подлинного расцвета эпистолярного жанра.

Замечу, Анненков вовсе не готовил свою корреспонденцию для потомства. Напротив, он тщательно оберегал ее неприкосновенность. Так, 22 февраля 1881 г. (письмо не опубликовано) он писал Тургеневу: «Письмо о Достоевском возвратите мне при свидании, да, кстати уж, сделайте одолжение привезите и другие, более или менее откровенные письма мои к Вам, для их сожжения, как Вы уже однажды сделали. Повторите, друг, эту проделку, которая оказалась бы совсем ненужной, если бы я писал их индифферентно, а то ведь я такой дурак, что лишь берусь за перо для письма к Вам, то сейчас и душу на стол и со всеми ее болячками. А зачем нужно это оставлять для любопытных после нас?».¹

¹ ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 33. Далее ссылки на неопубликованные письма П. В. Анненкова к И. С. Тургеневу в тексте с указанием архивного источника.

Анненков вообще считал письма, «составляемые ввиду будущей публики», — «суть фальшивыми» (его слова по поводу опубликованных писем П. Мериме). «Истинные письма никогда не должны бы являться на свет, — продолжал он в том же письме, — ибо, во-первых, всегда глупы, а во-вторых, большею частию противны».

Это суждение, не лишенное парадоксальности, весьма характерно для стилистики и эмоционального настроя писем Анненкова.

В них он неизменно оставался самим собой, со своими оценками, раздумьями, тревогами и со своими удивительными словами, уникальным стилем. И потому его эпистолярной форме присущи и свойства исповедальной лирики, и безусловный эффект документа, даже публицистичности, что существенно.

Ведь за Анненковым довольно прочно (и не совсем резонно) закрепилась репутация чистого эстетика. А его письма ее сильно колеблют и опровергают.

И все-таки письма Анненкова становились литературным явлением еще при его жизни. Многие его эстетические высказывания обсуждались не только адресатом. Так, в частности, высокая оценка Гоголя (после прочтения некоторых глав II тома «Мертвых душ»): «Это Колокол Ивана Великого, заглушающий все наши почтовые колокольчики» — повторялась Тургеневым (хотя он не во всем был солидарен с критиком: не принимал примирительных ноток «Переписки», отзвуки которых почувствовал в отдельных эпизодах второго тома).

Отголосок ее встречается и в письмах критика «Отечественных записок» С. С. Дудышкина к Анненкову, М. М. Стасюлевичу и других литераторов круга «Вестника Европы».

Мнение Анненкова о «Призраках» Тургенева (суть его сводилась к тому, что критик проникательно почувствовал в этой повести свойственную Тургеневу элегическую тональность, назвав повесть «элегией», а не «фантазией») стало известным в литературных кругах также из писем Анненкова. В другом письме, посвященном «Запискам охотника», Анненков восхищался «сказочным лиризмом» тургеневских повестей.

Остановлюсь еще на одном наблюдении.

Сказанное в письмах Анненкова к Тургеневу о Некрасове было существенным не только для Тургенева. Известно, что этих художников связывали непростые отношения, которые можно было бы обозначить как диалог поэта и гражданина.

В одном из январских писем 1853 г. Анненков сравнивает возросшую известность Некрасова (после публикации стихотворения «Блажен незлобивый поэт», 1852, посвященного Гоголю, равно как и вызванную разговорами о его крупном карточном выигрыше в Английском клубе) с успехом П. Виардо в Петербурге. Он пишет Тургеневу о П. Виардо и Некрасове — «о двух личностях, которые, по моему мнению, наиболее занимательны теперь в столице».² И эта не лишенная иронии реплика послужила в известной мере импульсом для бытования широко распространенного тургеневского эпитета, примененного к Некрасову — «поэт Английского клуба», ставшего впоследствии и дурным клише.

Так будто бы мимолетные сентенции выходили за рамки частного письма, становились достоянием литературной общественности, создавали определенную репутацию, а иногда способствовали и мифотворчеству (как это было в случае с Некрасовым).

² Переписка И. С. Тургенева: В 2 т. М., 1986. Т. 1. С. 483.

В «энциклопедически-панорамическом» эпистолярии критика нелегко обозначить все темы и проблемы. Остановлюсь лишь на некоторых, на мой взгляд, наиболее значительных.

Громадный массив корреспонденций, адресованных Тургеневу, знаменателен прежде всего тем, что отражает малейшие подробности биографии и психологии творчества писателя, творческую историю почти всех его произведений, их журнальную и литературную судьбу, отголоски дискуссий и критических бурь вокруг имени писателя.

Одна из важнейших тем в них: Анненков — первый читатель и критик Тургенева. Так случилось (на зависть недоброжелателям из писательской братии), что Тургенев «все свои вещи до печатания показывал Анненкову. Я верю в его вкус — да и, к тому же, это у меня сделалось вроде суеверной приметы», — писал он в 1875 г. М. М. Стасюлевичу.³

Как объяснить это доверие? Причина, безусловно, не только в дружеских отношениях. Но прежде всего в особенностях личности критика.

Не обладая большими творческими возможностями (по словам Тургенева, «в нем собственно таланта немного — но он человек чрезвычайно умный, с тонким и верным вкусом» — Т, Письма, т. 2, с. 109), Анненков был щедро наделен интуицией художника, редким даром проникновения в замыслы писателя. При этом его критические суждения были начисто лишены какого-либо дидактизма и навязчивости. Напротив, он обладал способностью «искать истины на всех сторонах».⁴ Слова Анненкова из его речи на литературном вечере памяти Тургенева в Петербурге 28 сентября 1883 г. вполне применимы и к самому критику. И потому Тургенев, как известно, дорожил мнением друга, в той или иной мере по-своему учитывая его. Однако писатель не следовал его советам буквально и, даже соглашаясь с ним, сохранял независимость. Но это — особая тема. Так, например, работа над «Новью», он снял излишний памфлетический элемент в романе. У Анненкова есть специальное письмо о «Нови», в котором он рассуждает об «истине памфлетной» и «истине беллетристической», т. е. художественной, о границах допустимости в художественном произведении «полемических выпадов».⁵ По сути, об этом же он писал и в известном письме об «Отцах и детях».

В письмах последних лет Анненков проявил себя как философ и психолог. Его эпистолярный отклик на повесть Тургенева «Клара Милич (После смерти)» представляет собой эквивалент философского эссе, до сих пор не оцененного по достоинству. Между тем здесь Анненков одним из первых заметил самое существенное в поэтике повести: внутреннее единство между необычностью предмета повествования и мастерством изложения.

Прочитав повесть Тургенева в рукописи, он защищает право писателя обращаться к теме, «открывающей позади реального мира еще какой-то другой, и весьма могущественный мир». Потому что художественно все оправданно («нет ни одной фальшивой черты», «никакого преувеличения или чересчур сильного размаха фантазии и выражения»). «И какое мастерство, — пишет Анненков в октябрьском письме 1882 г., — не впадая в супернатурализм и мистическое своеволие, держаться на границе, где они

³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем В 28 т. Письма В 13 т. М., Л., 1966. Т. 11. С. 161. Далее ссылки на это издание в тексте сокращенно Т, Письма, с указанием тома и страницы.

⁴ Литературные поминки Тургенева. Речь П. В. Анненкова // Неделя. 1883. 2 окт. № 40. Стб. 1320.

⁵ См. также Буданова Н. Ф. Роман И. С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л., 1983. С. 48—57; Žekulin N. G. Pavel Annenkov conseiller littéraire de Turgenev. Le Cas de «Terres vierges» // RES Paris, 1987. Т. 59/4. Р. 753—766.

именно начинаются, стоять на одной почти с ними почве и держать их в узде».⁶ По существу здесь речь идет о пушкинской гармонии и соразмерности, когда в художественном произведении все в меру, все на своем месте, нет ничего лишнего, ничего недостающего. Потому анненковский отзыв начинается и заключается словами, обращенными к автору «Клары Милич», — «Мастер чудный!».

Другое письмо Анненкова по глубине мысли и лирическому тону вполне может быть отнесено к своеобразному «стихотворению в прозе». Я бы назвала его «Автор».

После прочтения корректуры «Стихотворений в прозе», присланной специально в Баден-Баден, критик взволнованно писал Тургеневу 2 (14) октября 1882 г.: «Общий их характер просто ослепил меня: темные кружки пошли в глазах, а из этих кружков стал выделяться удивительно симпатичный образ автора — что за гуманность, что за теплое слово, при простоте и радужных красках, что за грусть, покорность судьбе и радость за человеческое свое существование. Вы написали себе панегирик, Иван Сергеевич, этими стихотворениями и очень ошиблись, думая, что в них нет ничего личного, субъективного. Личное-то в них и играет первую и самую блестящую роль. Личное и составляет их *raison d'être* и прелесть» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 85—86). Отзыв большой, и главное в нем — пронизательное видение особенностей жанра. Личное, субъективное в нем (со времен А. Бертрана)⁷ неизменно преобладает, несмотря на то что по форме сами стихотворения напоминают и легенды, и притчи, и бессюжетные сценки.

Не все стихотворения равно понравились Анненкову. Например, «Соперник» и «Конец света» он назвал «бессодержательными», признаваясь, что, возможно, он их «не понял». Заметил он также, что Тургенев злоупотребляет подзаголовком «Сон» («извинительной надписью», как сказано в письме). Особенно кольнула Анненкова прибавка «сон» к стихотворению «Христос». «Какой же это сон, когда это лучезарное *видение*?» — писал он (Там же).

Отзыв обрадовал и успокоил Тургенева. Он очень дорожил последними стихотворениями и сильно сомневался, стоит ли их вообще печатать, стоит ли выставлять свое имя (Т, Письма, т. 13, кн. 2, с. 28). И все эти сомнения должен был разрешить Анненков — первый читатель.

Невольно возникает вопрос: не было ли со стороны критика и советчика «нажима» на писателя? (Число подзаголовков «сон» Тургенев поубавил — «отнял», как сказано в его письме к Стасюлевичу — 4 (16) октября 1882 г., учел и другие замечания.)

Думаю, что ни о воздействии одного, ни о «послушании» другого не могло быть и речи. Взаимовлияние было, по-видимому, обоюдным и творческим. Ведь этих корреспондентов отличала истинная духовная независимость и вера в искусство как нетленную нравственную ценность. К тому же, как явствует из писем Анненкова, в литературных вопросах он выполнял роль не обычного критика и советчика, но подлинного *alter ego* Тургенева.

В связи с этим знаменательно, что писатель высоко ценил пушкинские штудии своего друга, понимая, что они-то и оказывали главенствующее влияние на его эстетические вкусы. Известно, что и сам Тургенев считал Пушкина своим учителем. И пушкинская тема в разных модификациях

⁶ Переписка И. С. Тургенева. Т. 1. С. 590—591.

⁷ Образцом нового жанра принято считать книгу А. Бертрана «Ночной Гаспар, фантазии в манере Рембрандта и Калло» (1827—1833, изд. 1842). Ш. Бодлеру принадлежит название этого жанра: «Стихотворение в прозе» («Парижский сплин», 1869).

мощно звучит в эпистолярной Анненкова. Но это предмет специального исследования.

В заключение назову еще один существенный мотив переписки, без которого представление о корреспонденте Тургенева было бы неполным. Это — современность, раздумья о судьбах родины.

С Тургеневым Анненков обсуждает не только литературные, но и самые большие, тревожные события времени. Вот что он пишет о русских народолюбцах, о «процессе 16-ти» (в неопубликованном письме от 19 ноября 1880 г.): «Привыкли говорить, что террористы наши недоучившиеся мальчишки, а тут крестьяне, мещане сами отливают трубы, тянут проволоки для мин, сами динамит приготавливают, подкопы ведут, как саперы, и опасный журнал издают. И все это будучи безграмотными и полуневеждами. Нет, надо взгляд переменить на этих людей и много, много подумать, прежде чем их определять. Огульным приговором от них не отделаешься: это люди сложные и загадочные, как и вся наша земля» (ИРЛИ, ф. 7, № 13, л. 13—17 об.). И просит прислать хоть один номер «Народной воли». «Я ни одно-го № „Народной воли“ не видал. А хотелось бы животом» (Там же).

«Письмо о Достоевском», которое Анненков просил Тургенева вернуть ему, примечательно вовсе не резкой оценкой личности писателя (как сказано, кстати, в комментарии к ответному письму Тургенева в академическом издании — Т, Письма, т. 13, кн. 1, с. 441), хотя Анненков действительно писал без обиняков то, что думал. Пафос его иронического и жесткого высказывания по поводу похорон Достоевского сводился к тому, что критик проникновенно заметил, как в общественно-политической ситуации России 80-х гг. последний путь большого художника стал, в известной мере, символом официального «героического торжества». Не случайно почести, воздаваемые Достоевскому, он сравнивал с посмертной репутацией патриарха московского Никона и митрополита московского Филарета, сыгравших видную роль в общественной и государственной жизни России. Вот что писал Анненков Тургеневу 18 февраля 1881 г.: «А что скажете о похоронах Достоевского? Политически говоря — это событие важное, так как показывает градус, на котором стоит теперь административная атмосфера наша. Заслужил или не заслужил Достоевский такие героические похороны — это другой вопрос, но общество, устроившее такие похороны, и правительство, их выдержавшее терпеливо, одинаково сдают хороший экзамен успехам в науках, а это и радует. Как жаль, что Достоевский лично не мог видеть своих похорон — успокоилась бы его любящая и завидуящая душа — христианское и злое сердце. Никому таких похорон уже не будет. Он единственный, которого так отдают гробу, да и прежде только патриарх Никон да митрополит Филарет Дроздов получили нечто подобное его отпеванию. Радуйся, милая тень. Добилась же, что причислили тебя к лику твоих предшественников святого, византийского пошиба» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 31—32).

Тургеневский отклик на это письмо не сохранился, но, судя по его репликам в письме к М. М. Стасюлевичу (от 8 (20) февраля), писатель был солидарен со своим корреспондентом. «А знаменательны были эти похороны! — замечал он почти в анненковской тональности, но значительно приглушив ее. — С архиереями!! И сочувствие молодежи... Салтыкова бы так не хоронили. И дай Бог ему пожить. Но это урок и предмет размышления» (Т, Письма, т. 13, кн. 1, с. 58).

Искусством оживления и одухотворения документального материала отмечены многие эпистолярные суждения Анненкова, в том числе и по поводу возрождения славянофильства в 80-е гг. «Думал ли я, — писал он Тургеневу 5 (17) декабря 1880 г., — что через 30 лет опять услышу те же самые слова, которые сопровождали мою молодость. Этот сюрприз доставляет мне

„Русь“ Аксакова. Боже — да как же скучно» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 16 об.). Неприятие однолинейности и известной узости славянофильства проявилось и в его оценке биографии Ф. И. Тютчева, написанной И. С. Аксаковым в 1874 г.: «Есть страницы превосходные, где характеристика Тютчева как человека. Что касается до раздувания его в славянофильский пузырь, то жалко становится» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 10, л. 27—28 об.).

Характерно письмо Анненкова от 5 (17) марта 1881 г., посвященное взволнованному обсуждению царевубийства Александра II в России. Как провидец будущих бурь (им был не только Достоевский) он пишет Тургеневу: «... на нашей почве политическая жизнь сводится на динамит, порох, кинжал и револьвер. Ответом на них будут, разумеется, новые убийства, новые виселицы и так в бесконечность. Нельзя думать, что эта масса трупов непременно даст благоухание свободы, порядка и развития, да и нельзя себе представить, чтобы такое можно было бы получить при подобных нравах и мерах. Ведь каждое дело имеет свою болячку, свою темную сторону, а если для устранения их потребуются опять новая бомба, то какой же выход? Какая история, какой конец, какая будущность у несчастной земли нашей...» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 29—30).

И эти горькие мысли («они как заноза какая остаются в мозгу, от чего последний зудит и пухнет» — цитата из того же письма) переплетались в письмах Анненкова с исповедальной лирической нотой. Узнав о предсмертной болезни Тургенева, он признавался ему в письме от 4 марта 1883 г.: «Не думал я, что Вы, Иван Сергеевич, занимаете такое место в душе моей, хотя и знал, что, опорожнись оно, жутко мне будет на белом свете» (ИРЛИ, ф. 7, ед. хр. 13, л. 99—100).

Так даже беглая характеристика эпистолярного наследия Анненкова позволяет судить о нем как о своеобразном памятнике культуры, как о документе эпохи, эстетическое изучение которого углубляет «процесс открытия нового в старом».⁸

⁸ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979. С. 352.